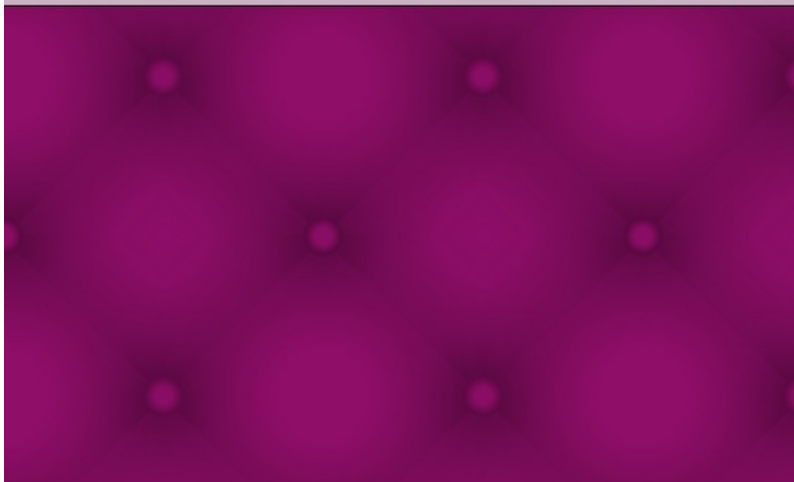

Мария Гарзийо

Венецианские каникулы

Venise Expériences

Мария Гарзийо

Венецианские каникулы.

Venise Expériences

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21235369

ISBN 9785448323348

Аннотация

Парижанка славянского происхождения Татьяна решает разбавить печальную рутину многообещающей встречей с интернетным знакомым – венецианцем Марко. Она жаждет любви и новых впечатлений. Что-что, а впечатления ждут ее в изобилии. Итальянец Марко оказывается наживкой, на которую мощная организация Venise Expériences ловит доверчивых жертв. Не успев толком сообразить, что происходит, Таня превращается в одну из множества секс-рабынь, которыми упомянутая контора балует своих разборчивых клиентов...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Веницианские каникулы

Venise Expériences

Мария Гарзийо

© Мария Гарзийо, 2016

ISBN 978-5-4483-2334-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Et voila!¹ – заканчивает свое получасовое повествование мой собеседник и впервые с начала разговора переводит взгляд на меня – А ты?

– А я.. ммм.. училась... поступила, закончила, поработала, переехала, поучилась, работаю.., – машинально перечисляю я, консультируясь с виртуальным СиВи.

Бокал вина, ласково поглаживая мою ладонь круглым золотистым бочком, напоминает об истинной цели сей встречи. Я на свидании, а не на собеседовании! И сидящий напротив ухоженный брюнет в элегантных очках и узком галстуке не потенциальный начальник, а возможный претендент на руку и сердце. Мда, моё сердце ему бы не помешало, своего, похоже, Бог бедняге не дал. Смотрит он на меня как-то без интереса, очевидно, посчитав мой послужной список недостойным. Зато молодой человек за соседним столиком

---

¹ ну вот так

глаз с меня не сводит. И надо заметить, что он даже симпатичнее этого выуженного из интернетных просторов робота. Я мягко улыбаюсь через голову утомившего меня самодура, пока последний делится со мной какими-то дополнительными деталями своей рабочей деятельности.

– Ну, что поедem ко мне? – неожиданно прерывает он складный ход своего рассказа.

– Да, мне и у себя неплохо, – откровенно отвечаю я, допивая вино, – А тебе что одному скучно отчёт о продажах составлять?

Углядев за моим язвительным высказыванием утончённый эвфемизм, брюнет поглаживает свою аккуратную бороду и расплывается в улыбке.

– А ты не хочешь мне помочь составить отчёт о продажах? При этом его рука опускается на моё колено и сжимает его.

– Поищи другого специалиста, – скидываю руку я. Какие же они все одинаковые эти французы с сайта meetic! Как будто конвейером их производят. Заливают одинаковые формы, ставят печать интеллектуальности на лице, через одного клеят бороды и поголовно затягивают поверх белых рубашек модные в сезоне узкие галстуки. Микросхема этим марионеткам тоже достаётся стандартная, на ней незамысловатыми линиями начертаны два слова «работа» и «секс».

Моя сегодняшняя добыча выкладывает на тарелочку

со счётом монетки за свой кофе, открыто проигнорировав мой бокал вина. Если бы я дала согласие на совместное составление отчёта, будущий любовник галантно оплатил бы мой заказ. А на нет и плати за себя сама! Равенство полов, будь оно неладно. Ну, и черт с тобой, очередной Кристоф. Или Стефан. Или Жиль. Или Жмот.

Упомянутый персонаж ничуть не задетый моим отказом поднимается из-за стола, махает мне на прощание своим айфоном и, бросив краткое «ну, звони, если что» исчезает из виду. Если что? Пожалуй, подразумевается – если удастся избавиться от комплексов, которые мешают мне, с виду прогрессивной девушке, заниматься сексом на первом свидании с первым, попавшимся зацикленным на работе занудой. Я выхожу в дождливый парижский август.

– Excusez moi!² – раздаётся у меня за спиной.

Не люблю я этот отклик. Как правило, за ним кроется банальный попрошайка или примитивный аферист. Ну, или на худой конец несимпатичный приставала. Нехотя поворачиваюсь, нацепив постную маску «Desolée³ денег нема». Передо мной переминается с ноги на ногу симпатяга из кафе. Тот, что сверлил меня глазами на протяжении всей деловой беседы. Хм, может, вечер перестанет-таки быть томным. Моя правая бровь и левый уголок рта медленно ползут вверх.

– Я не знаю, как вам сказать...

---

² Извините!

³ Сожалею

Лучше словами. Например, теми, коими Ален Делон потчевал уши Далиды в песне «Paroles». Она, помнится, не верила. А моя завышенная самооценка слопала бы и не подавилась.

– Ваш спутник... молодой мужчина...

– Это просто знакомый, – успокаиваю я взволнованного красавчика, прибавляя к словам располагающую улыбку.

– Ах, правда! – явно радуется он, – Тогда, может быть, вы дадите мне его номер. Он мне, честно говоря, очень понравился.

Улыбка извивается змеёй, в которую вцепился зубами мангуст, и исчезает, махнув хвостом. М-да, третий год живу в Париже и так никак и не научусь разбираться *qui est qui*⁴. Сверлил он меня взглядом... хе, и думал при этом наверно: «Эх, такой мужчина и не мне достался! Ну, чем она лучше!» Я ничем не лучше. Думаю, что за разговорами о работе Кристоф не заметит разницы.

– Да, конечно, – охотно соглашаюсь я, протолкнув таки в горло нежелающий заглатываться шок.

Мангуст тщательно записывает цифры, перепроверяет, улыбается мне двумя рядами безупречно отбеленных зубов и желает приятного вечера. Ага, и вам с Кристофом того же. Он распахивает свой зонтик Виттон и, повиливая попкой и грациозно перепрыгивая через лужи, удаляется со сцены. Я остаюсь одна под дождём. Без мужчины и без зонта. А кто го-

---

⁴ кто есть кто

ворил, что будет просто? Мама мне в своё время всю печень проела до дыр, живописуя все предстоящие мне, студентке по обмену, злоключения в чужой стране. «Ты никому там не нужна!» буйствовала она, усадив меня на кухне и сунув мне под нос дымящуюся тарелку борща, «Тебя никто там не ждёт!» За маму говорила обида. Эта щедро вскормленная, возвращаемая годами склизкая горечь натянула на своё склизкое фиолетовое тело мамину маску и вещала ею голосом. Много лет назад Франция забрала у мамы мужа. Папа встретил француженку украинского происхождения, которая приехала к ним на предприятие внедрять какие-то новые технологии. В результате внедрился папа. Да на столько, что оставил жену с маленьким ребёнком и потянулся за новой технологией в новую заморскую жизнь. Мама ему этого дерзирства простить не смогла. Порвала на клочки семейные фото, наложила табу на его имя и возненавидела Францию. Франция отомстила ей спустя многие годы, опустив свою длинную вездесущую лапу на плечи единственному оставшемуся мамину оплоту. Я понимала её чувства, я впитывала всеми клеточками её боль, но остаться и позволить лиловой желчи медленно сжирать и мою жизнь не могла. Мне хотелось стряхнуть с плеч гнёт вечного надзора, вдохнуть всеми лёгкими воздух свободы и стать, наконец, по-настоящему взрослой. Это мне, пожалуй, удалось. Но ступая по мокрому тротуару, я не могу не вспомнить мамины горькие слова. Я ведь и правда никому не нужна и дома, куда я

спешу, меня никто не ждёт. Дом это громкое слово. Я снимаю угол на улице Пасси. Именно угол, потому как в двухкомнатной квартирке нет ни одного традиционно квадратного помещения. Куда не ткнёшь, непременно упираешься в очередной угол. Хозяйка расхваливала мне местонахождение этой угловатой жилплощади, упирая на то, что до Эйфелевой башни рукой подать. Кроме жвачкоподобного героя фильма «Фантастическая четвёрка» мне неизвестен ни один индивидуум, способный так далеко «подавать» руки. Дополняет впечатление ржавая водосточная труба, которую я созерцаю каждый раз, когда мне приходит в голову распахнуть окно. Апартаментами де люкс это жилище назвать трудно, зато шестая линия метро совсем близко и квартплата терпимая. А главное, что это Париж. Его величество блистательный и чарующий. Впрочем, городам-легендам присущи те же хамелеоновые свойства, что и мифическим принцам на белых конях. Во время первых робких свиданий этот мужчина-мечта кажется нам идеальным, словно журнальная картинка. А стоит гладкому изображению шагнуть в логово семейного быта, как его безупречность мгновенно претерпевает заметные изменения. Выясняется, что принц имеет привычку оставлять грязные носки на столе в кухне и безудержно храпит по ночам. А его белый конь оглушительно портит воздух и оставляет по всей квартире огромные кучи навоза. Париж за пределами Елисейских полей оказался таким же нечистоплотным, пыльным и порой агрессивным.

Но я сжилась с ним, смирилась и слюбилась. Простила ему серые толпы утреннего метро, навязчивых попрошаек, мелкий несвоевременный дождик и водосточную трубу в окне. И с трепетной гордостью окрестила себя парижанкой. Этот официально неподтверждённый статус позволяет мне бросать презрительные взгляды на кучки стандартно экипированных шортами и рюкзаками туристов и испытывать тёплую радость каждый раз, когда требуется указать где-либо свой адрес.

В сумочке трещит телефон, отрывая меня от размышлений о том, каким образом добраться до дома с наименьшим ущербом для одежды и причёски.

– Salut. Ca va⁵? Ты где? О, я как раз мимо еду. Хочешь, подхвачу тебя, посидим где-нибудь поболтаем?

Небеса посылают решение моей дилеммы в лице Дельфин, моей можно сказать подруги. Если задуматься, что можно добавить, что скорее все-таки не подруги. И вовсе не моей. Дельфин была приятельницей Фредерика, моего экс-бойфренда. С последним я рассталась полгода назад, первая осталась мне на память об этих ярких, но мучительных отношениях. Хвататься за эти обломки моста в прошлое я не стремилась, но вот сами обломки явно не хотят выпускать меня из своих цепких бетонных объятий. Я соглашаюсь на посидеть-поболтать исключительно во имя сохранения уютной сухости своего гардероба.

---

⁵ Привет! Как дела?

Серое Пежо Дельфин тормозит у кафе спустя десять минут. Стоит мне оказаться в салоне, как водительница аппетитно причмокивая поочерёдно касается своими напудренными щёками моих мокрых.

– Сейчас я дослушаю этот отрывок, – останавливает она жестом мой подкатившийся к губам вопрос «Как дела?»

Радио «Rire et Chançons» потчует слушателей аудио-куском очередного шедевра французской кулинарии юмора. Чужой юмор понять непросто, особенно если он сконцентрирован в тонкой перемычке между туалетом и спальней. Я до сих пор удивляюсь, что в любое время дня и суток из радиоприёмника на какое-нибудь невинное создание нежного возраста может невзначай обрушиться грязный ворох взрослого вульгарного лексикона. «Папа, о чем это дядя? Что такое „трахаться“?» спросит любознательный карапуз. Отец в ответ покраснеет и переключит станцию. Или, может, так поступил бы воспитанный советским пуританским строем гражданин? А свободолюбивый певец Марсельезы объяснил бы мальчугану, что это за слово и как оно делается. Впрочем, зря я поливаю грязью французский юмор. На сей раз, станция передаёт что-то вполне приличное. Вопрос только – что. Я напрягаю уши, но смысл виляет хвостом и прячется от меня за взрывами смеха Дельфин и за неразборчивым акцентом комика.

– Ха, ха, как смешно, – стонет ценительница современного юмора.

Я кисло ухмыляюсь, чувствуя себя в высшей степени глупо.

– Тебе наверно непонятно. Но это очень смешно, – пыхтит она в коротком перерыве между двумя взрывами хохота.

Как пошёл день погано, так и не думает со скользкой дорожки сворачивать. Я демонстративно отворачиваюсь к окну.

Дельфин тормозит у входа в какое-то незнакомое мне кафе и, продолжая похрюкивать от смеха, выкатывается из машины. Мы устраиваемся за неудобно низким столиком, официант выкладывает перед нами меню, исписанные какой-то японской тарабарщиной. Дельфин, уняв, наконец разыгравшегося не на шутку хохотунчика, погружается в изучение экзотических названий.

– Что бы выбрать, моши или ятсухаши, – задаётся философским вопросом знаток японских десертов.

Второй раз за короткие пятнадцать минут нашего общения Дельфин мастерски удаётся спустить мои метр восемьдесят ниже своих метра шестидесяти. Однако я белым флагом открыто размахивать не собираюсь, а тихонько скручиваю его и прячу в карман, заказав без лишних размышлений многообещающий кузукири. Этот выбор объяснить просто; название созвучно единственному известному мне японскому слову «харакири». Дельфин ещё некоторое время колеблется между всякими каками-макаками и шашами-машашами, потом выбирает все-таки что-то по звучанию малоаппе-

титное и поворачивается ко мне с широкой накладной улыбкой.

– Чай закажем «мача», это самый лучший зелёный чай. Самый аутентичный.

Ещё бы ему не быть аутентичным с таким названьицем. Буду хвастаться русскоговорящим знакомым, что ела кузукири и запивала мачой. Вот обзавидуются простые обыватели.

– Ну как ты? – интересуется-таки полученная по наследству подруга, – работаешь все там же?

На работу меня в своё время устроил Фредерик. Благодаря его в меру волосатой руке мне досталась супер должность менеджера маленького мебельного магазина, торговавшего английскими столами, стульями и диванами. В мои обязанности входил письменный контакт с производителем, устный с клиентами и немного хилой бухгалтерии в придачу. Эта была не та работа, которая пробуждает в человеке дремавшие годами таланты, будоражит воображение, отбивает сон и осыпает золотом. Она напоминала скорее горшок с полусохшим цветком, который, впечатавшись намертво в интерьер, торчит в углу, раскинув свои кривые ветки. Ты видишь, что лиственный уже не жилец, но выбросить жалко, да и некогда.

Я без энтузиазма отвечаю, что да, там же, и опасливо отпиваю глоток зелёной мешанины. Какое точное название! Мача, мача и есть. Коровья. Наполненная пережёванной тра-

вой.

– А я тут недавно Фреда встретила, – осторожно начинает Дельфин, отковырнув ложечкой белое месиво своего десерта.

Мне сразу становится ясно, зачем мы здесь сегодня собрались. Могла бы раньше догадаться, оловянная башка. Придётся теперь слушать.

– У него новая девушка. Лили, француженка. Знаешь, они оба выглядят очень счастливыми.

– Страшно рада, – бубню я.

Утихшие за последние месяцы фантомные боли снова дают о себе знать. Той весной, когда мы сказали друг другу последние «больше никогда» я чувствовала примерно то же, что наверно испытывали герои мультиков, когда их переезжал каток. Они впечатывались плоским блинчиком в асфальт, но уже через мгновение, уцепившись пальцами за шкурку, вытягивали себя в привычный трёхмерный формат. Вот и я вытянула. Внешне. А внутри остались раздробленные кости и сплющенное сердце. На него Дельфин сейчас и наступает. Нацелено. Я и раньше подозревала, что маленькая француженка меня недолюбливает. Но чтобы на столько ненавидеть... Я вроде у неё мужа не уводила, собаку ею не травила, в куклу Вуду с её физиономией иголки не втыкала и даже ни разу не ухватывала у неё перед носом во время распродажи последнее платье Валентино с семидесятипроцентной скидкой. Раньше бы я объяснила такую яростную

неприязнь разделяющими нас двадцати сантиметрами роста в мою пользу и десяти килограммами в её. А так же цветом волос и тем фактом, что красота жительниц романтического города превратилась в книжный миф, в то время как славянский лик заполнил обложки журналов и мировые подиумы. Но нет, как выяснилось за время моего проживания в Париже, француженки не любят нас, русских, не потому что мы своей ослепительностью лишаем зрения *их* мужчин. Мы просто раздражаем их наравне с замотанными в платки арабками, шумными негритянками, вездесущими японками и разбитными американками одним лишь тем, что «понаехали». При этом стоит заметить, что на уроженок Эльзаса или марсея смотрят не с меньшим презрением. В общем, коренные парижанки не любят никого. Примем как аксиому и не будем искать подводные течения.

Дельфин продолжает живописать великое счастье Фредерика и его грандиозные планы на будущее, восхваляя попутно красоту и душевные качества его новой подруги. Если бы тогда полгода назад жирную точку в нашей истории поставила бы я, если бы вытолкала его рыдающего из квартиры и выкинула бы из окна чемодан с его вещами, если бы хохотала ему несчастному в лицо, признаваясь, что не любила, не уважала, оргазмы имитировала и не была верна... тогда поведение этого вражеского засланца было бы легко истолковать как месть обиженного мужчины. Но ручку взял он, и он поставил эту ненавистную точку. А я тёрла ее резинкой

и поливала слезами.

Надо доедать по-быстрому своё кузукири и заканчивать эту изощрённую пытку.

– Пусть будет счастлив, – безынициативно мычу я.

Пусть лопнет от счастья.

– А у тебя комочки на ресницах! – Дельфин, не удовлетворившись муками поверженного на землю врага, прижимает к моему лбу дуло пистолета для контрольного выстрела, – Тушь плохая наверно. Купи Диор, она комочков не оставляет.

– Знаешь, Дельфин, мне пора. Меня мой любимый дома ждёт. Ты меня подвезёшь?

– У тебя кто-то появился? Почему же ты не рассказывала? – явно огорчается «подруга».

– В другой раз.

Когда мы выходим на улицу, выясняется, что Дельфин срочно куда-то надо, и отвести меня она никак не может. «Tant pis»⁶, бросаю я безразлично и не выражаю энтузиазма по поводу её «à bientôt»⁷. Заниматься подобным мазохизмом я больше не собираюсь. Как пелось в песне, дельфин и русалка, они как не поверни, не пара, не пара, не пара. М-да, а русалке придётся домой добираться вплавь, ибо подлый дождь не присмирел, а наоборот удвоил свои мокрые силы.

Я прижимаюсь щекой к холодному стеклу. Мимо летят

---

⁶ очень жаль

⁷ до скорого

тёмные туннели и островки станций. От развалившегося рядом негра исходит крепкий запах застаревшего пота. Мои глаза надуваются влагой и выжимают каждый по крупной солёной слезе. Все-таки мама была права. Я совсем одна, никому ненужная. С комочками на ресницах.

Оказавшись в тепле своих крошечных апартаментов, а стаскиваю с себя мокрую одежду. С отвращением развешиваю её в ванной, как будто белый хлопок и тёмный джинс виноваты в моих сегодняшних злоключениях. Стоит мне выложить на тарелку немудрёный ужин – разогретый кускус из пакета – как телефон заводится вибрацией, требуя моего внимания.

– Тань, привет. Как ты? У меня уют сгорел, – выдаёт одним предложением мой друг Артур.

Мы познакомились год назад на каких-то малоэффективных курсах по повышению квалификации. У Артура русская мама, а папа какой-то французский граф или герцог, (я в этом не очень разбираюсь). Они проживают в семейном поместье в ста километрах от Парижа. Артур – очаровательный двадцатипятилетний блондин с внешностью представляющей удачную помесь юного ангела и маленького Ленина. По паспорту нас разделяют два года (мне двадцать семь), а в реальности все двадцать. Дело в том, что Артур страшно несамостоятелен. Он не в состоянии погладить собственную рубашку, сходить во время к врачу, застраховать подаренную родителями машину, а грязная посуда до спасительного

появления посудомоечной машины копилась у него на кухне месяцами. На мои возмущённые «ты же мужчина» мой друг хлопает длинными ресницами, очаровательно улыбается ямочками на персиковых щёках и повинно вздыхает. Подобную инфантильную беспомощность можно было бы простить девушке, но никак не мужчине. Его романтические подруги и не прощают, сменяя с поразительной скоростью одна другую. А мой статус бесполого дружбана таких кардинальных мер не предусматривает, я ворчу, пыхчу, в меру занудствую, а потом собираюсь и подобно популярным в моем детстве бурундукам спешу на помощь.

– Приноси, – вздыхаю я.

– Утюг?

– Рубашку. Или что ты там собирался гладить.

– Тут вообще-то много всего накопилось.

Вот ведь иждивенец бессовестный! Я брюзжу, не желая менять трагичное амплуа вечера и переносить торжественный траур по потерянному на другой день, но мы оба знаем, что это ворчание являет собой завуалированное согласие. Через двадцать минут одиночество моей клетухи размещает в стороны ураган по имени Артур. Пока я вожу утюгом по складкам клетчатого хлопка, его обладатель забирается на диван с чашкой чая.

– И чем я тебе не нравлюсь? – задаётся вопросом паразит, разглядывая свою физиономию в зеркале, расположенном в отведённом под коридор углу гостиной, – Вроде не урод.

– Не урод, – соглашаюсь я.

– А чего замуж не берёшь?

– Ну, на роль мужа ты никак не годишься, – усмехаюсь я, сворачивая отглаженную сорочку, – Я могла бы разве что тебя усыновить. Но стать матерью я ещё как-то не готова.

– Почему не гожусь? – обиженно надувает губы недо-
росль-симпатяга, – А кто годится тогда? Эти твои из Интер-
нета?

«Эти из Интернета» – обширное понятие. В мохнатых трущобах проводов чего только не встретишь. Есть подобные сегодняшней находке сыроежки-работоголики, есть совсем несъедобные мухоморы, есть напыщенные дубовики, маскирующиеся под белые, но при ближайшем рассмотрении мгновенно выдающие свою плебейскую сущность. Есть наверно где-то и сам благородный царь грибов, только спря-
тался он уж больно хорошо, мне при всех моих грибников-
ских навыках никак не попадается. Хотя... появился в моей
корзинке недавно один экземплярчик немного на это мифи-
ческое сокровище похожий. Его зовут Марко. Он итальянец,
живёт в Венеции. За то недолгое время, что длится наше
виртуальное общение Марко произвёл впечатление умного,
обаятельного, интересного мужчины. Если точнее – интере-
сующегося. Он в отличие от 99% питомцев виртуальных се-
тей не выпячивает из монитора своё непомерное Я. В его
письмах больше вопросительных предложений, чем повест-
вательных. Он хочет знать, почему расстались мои роди-

тели, часто ли меня навещает отец, много ли у меня друзей, какую кухню я предпочитаю. Мне приятно беседовать с ним, потому что он являет собой зеркало, через которое я вижу своё улучшенное отражение. Однако определённые выводы делать ещё рано, пока что Марко в моей жизни исполняет роль (пardon за сравнение, почему-то напросилось именно такое) одного из множества сперматозоидов, которые, расталкивая друг друга, наперегонки спешат к своей заветной цели. А достигнет ли её именно этот головастик, и удастся ли ему положить начало зародышу новых отношений, покажет как всегда время.

– Эти из Интернета тоже не годятся, – выпутавшись из раздумий, отвечаю я.

– Останешься старой девой, – выносит утешительный вердикт юнец, – А я женюсь на молоденькой.

– Ага, не забудь в брачный контракт включить ежедневную глажку и уборку. Молоденькая такого вахлака как ты не потянет. Лучше найди себе пожилую энергичную вдову.

– Нет, не смогу, – морщится Артур, – Слишком сильна во мне любовь к прекрасному.

Я доглаживаю его пожитки и насильно выпроваживаю за дверь. На часах полдвенадцатого. Завтра мне рано вставать, меня ждёт страшно важный для будущего всего человечества пересчёт кушеток и табуреток. Из-за вероломного вмешательства этого друга человека мне не удаётся отдать должного тоске по Фредерику. А мне так хотелось завер-

нуться в её холодные объятия, выжать пару-тройку слезинок за перечитыванием старых писем, посетовать на несправедливость мадам Судьбы. Ан-нет ушла тоска, не дождавшись достойного приёма, забрала с собой хилый запас слез и кон-вертик с упрёками, адресованный Всевышнему. Зато одиночество пробралось в закрывающуюся за Артуром дверь, скинуло одежду и вытянулось на кровати, зазывно преоткинув край одеяла. Перед тем как присоединится к нему, я просматриваю почту. Послание от Марко мгновенно выделяется из общей массы. Он пишет, что все время думает обо мне и очень хочет, чтобы я приехала в Венецию. Удовлетворённо хихикая, я забираюсь на кровать. Почему бы, собственно говоря, и нет? Возьму несколько дней за свой счёт, прицеплю к выходным, получится целая неделя в наиромантичнейшем городе Европы. С нормальным мужчиной. Не за-цикленном на работе роботом. К тому же, говорят, итальянцы – лучшие в мире любовники. Вот и будет случай проверить. «Ага, а потом потратить остаток жизни на сравнение с остальными 247 национальностями», шипит одиночество, самовольно останавливая пульт на канале для взрослых. Я послушно просматриваю короткий порнофильм с незамысловатым сюжетом и, слившись воедино с верным одиночеством, постепенно засыпаю.

Парижскую рутину точно описывает известная фраза «*métro, boulot, dodo*⁸», позаимствованная когда-то из поэзии

---

⁸ метро, работа, сон

Пьера Беарна. В полной версии к этой звёздной тройке присоединялись ещё быстро, окурки и зеро. Очевидно, с ускорением ритма жизни у современных парижан времени на выпивку и перекуры не осталось. А зеро пугало духом безысходности, за счёт чего тоже было скинуто с воза повседневности. Остались три верных коня, которые и тянут этот воз день за днём. Я являю собой одного из многотысячных его пассажиров. Серое, шелестящее эскалаторами клокочущее недовольством тащащихся спозаранку на службу толп, доставляет меня к месту назначения. И начинается день, который в календаре моей жизни подобно череде предыдущих собратьев будет отмечен тонким неприметным курсивом.

Директриса шпыняет меня за то, что я якобы заказала трёхногие стулья вместо четвероногих. «Трёхногих у нас и так навалом. Их плохо покупают» гундит она, махая у меня перед носом одним из маловостребованных обладателей трёх конечностей. На самом деле заказ оформляла не я, а несовершеннолетняя стажёрка Хабиба, габаритная арабка, получившая это тёплое местечко за какие-то выдающиеся заслуги своего отца перед хозяином магазина. Обязанности стажёрки формально составляют целый список, а на практике ограничиваются не на шутку раздражающей меня болтовней по телефону. Пока я кроплю над переводами мебельной тематики, рыхлое дитя щебечет на ухо скрывающемуся за телефонной трубкой обожающему весомых достоинств всякие милые непристойности. Вчера на груду камешком моего

терпения свалился последний булыжник в виде смущенного хихиканья «Да, что ты такое говоришь! Я не готова». Груда рассыпалась, я решила, что неготовая к нетрадиционному сексу Хабиба вполне готова самостоятельно оформить бланк заказа. Выходит, я ошиблась. Отвечать за лишних трехногих приходится мне, потому как мой родной отец даже если и находится в Париже (хотя достоверной информации на этот счет у меня нет), с хозяином мебельной лавки все равно никаким боком не знаком. А заменивший его в свое время Фредерик счастлив до пороссячьего визга с какой-то Лили или Лулу, и на проблемы бывшей пассии с комочками на ресницах ему глубоко плевать. Ну, ничего. Неприятность эту мы переживем. Дабы компенсировать мне незаслуженный моральный ущерб Бог побуждает Марко позвонить мне в обеденный перерыв. Я рассеянно вожу вилкой по тарелке, посчитав разговор более занимательным чем предложенный поваром ближайшей brasserie plat du jour⁹. Какой же у него приятный бархатистый голос с твердой стрункой раскатистого «R»! Мне ласкает душу этот первый неуверенный, но многообещающий флирт. Я принадлежу к тому малому счастливому проценту женщин, что умеет получать удовольствие от отношений с мужчиной с самой первой ступеньки, не ожидая увидеть, что находится там на самом верху этой шаткой лестницы. Я способна влюбиться вмиг и без оглядки. Я не восседаю подобно большинству подруг на вершине

---

⁹ блюдо дня

стеклянной горы, созерцая как претендент на общую постель и частичку сердца карабкается по скользкому крутому склону. Ведь частенько вскарабкавшись таки наверх, этот бедняга исчерпывает запас физических и моральных сил на столько, что до распахнутых дверей спальни уже не доползает. Я не смотрю на возможность романтической встречи через бинокль былых обид и предательств. Хотя имеется в моем арсенале упомянутый бинокль, как и у любой из нас, современных девушек Космо. Я выкраиваю короткий промежуток между вопросом «Что ты ешь» и «Ценят ли тебя на работе» и интересуюсь у Марко, чем он, собственно говоря, занимается. А то он прячется за плотным заслоном вопросов, скрывая как полагается литературному герою эпохи романтизма, от читателя свое происхождение. Марко, вытянув эффектную паузу, за которую я успеваю перемерить на него сотни масок, поясняет, что родом он из очень состоятельной венецианской семьи и работать ему в принципе необязательно. Но дабы напичканный кучей высших образований мозг не простаивал без дела он нашел себе полу развлечение, полу заработок – Марко организует для богатых эксцентричных туристов частные экскурсии по Венеции и окрестностям. Свое дело он окрестил «Venise Expériences¹⁰».

– И что много желающих? – любопыствую я, отправляя в рот кусок остывшей рыбы.

– Очень много, – улыбается голос Марко, – Для тебя я

---

¹⁰ Венецианские впечатления

проведу экскурсию бесплатно.

Я мысленно добавляю к списку достоинств Марко «богатый» и рядом в скобках с вопросительным знаком «не жадный?» А мое небедное воображение уже малюет живописные картины. Мы бредем вдоль укутанного в вечернюю дымку канала, в мягком тумане исчезает одинокая гондола, из маленькой траттории доносится звон посуды, мою ладонь греет тепло его пальцев, его голос переносит меня в далеко прошлое, по времена дворцовых интриг и разгульных карнавалов. «Мадам будет кофе?» вероломно вламывается в мои красочные мечты официант. Мадам будет кофе! Мадам будет Венецию, каналы и гондолы. А в качестве десерта мадам, пожалуй, не откажется от аппетитного секса с итальянцем Марко. Я выпиваю залпом скупердяйскую ложку концентрированного напитка, обещаю соблазнительному гиду поразмышлять над его предложением и возвращаюсь в свою конторку. Остаток дня проходит без эксцессов. Приподнятое Марко настроение не спускается с пьедестала даже, когда объемная Хабиба, дефилируя мимо, намеренно задевает этот пьедестал своими выдающимися округлостями. И метро меня не плющит как обычно. В смысле в переносном значении слова не плющит. А в прямом, мое тело под напором стремящейся побыстрее попасть в домашнее гнездо толпы приобретает таки двухмерную форму вместо положенной трехмерной.

Стоит мне устроиться поудобнее у телевизора с тарелкой

купленного по дороге в ближайшей кулинарии шукрута¹¹, как мою самодельную идиллию по сложившейся недавно традиции прерывает звонок Артура. Добрый молодец просит посоветовать, что ему надеть на свидание.

– Белую рубашку и узкий черный галстук, – хихикаю я, подавившись кислой капустой, – И очки нацепи для пущей серьезности.

– А ты не боишься, что мне девушка понравится? – гнет свою линию юнец.

– Я даже обрадуюсь. Передам ей руководство по использованию и смогу, наконец, спокойно поужинать.

Проявления ревностного мужского интереса со стороны Артура не щекочет мое пухленькое тщеславие по одной простой причине – я вижу насквозь их происхождение и предназначение. Этот хитрый жук специально изображает из себя влюбленного страдальца комедийного жанра. Польщенная вниманием и гонимая раскаянием, что не в состоянии ответить на пламенные чувства, я по его мнению должна молча гладить рубашки, записывать его на прием к стоматологу, проверять составленный на скорую руку отчет, в общем взять на себя роль надежной мамы-кенгуру. Вот надоест мне когда-нибудь этот кукушонок, вытащу его из кармана и отправлю восвояси метким пинком под зад. Ноги-то у кенгуру мощные. Артур делает вид, что обиделся и, пожелав мне приятного аппетита, отключается.

---

¹¹ Choucroute – эльзасское блюдо на основе кислой капусты

Я дожевываю не слишком удачно приготовленное эльзасское блюдо и переползаю за компьютер. Билеты Париж-Венеция оказываются на удивление дешевыми. Марко говорил, что на следующей неделе у него много свободного времени. А у меня как раз накопились выходные, которые я заслужила по праву за все сверхурочные мытарства со столами и табуретками. Была ни была, решаю я и уверенно жму на кнопку «*procéder au paiement*¹²». «Лучше бы не была» ворчит мой ангел-хранитель, складывает за спиной крылышки, перекидывает через плечо походный рюкзачок и машет мне рукой на прощание. Марко воспринимает смс-новость о моем приезде с итальянским пылом. «*Ottimo*¹³. Я счастлив!» орет он в трубку, мгновенно перезвонив. Он обещает встретить меня в аэропорту-тезке¹⁴ и сулит незабываемые впечатления. Я ложусь спать взбудораженная предстоящей встречей, мысли о которой долгое время не желают отпускать мой мозг в мир грез.

В конце концов, они таки передают пальму первенства снам, которые представляют мне следующую картину: Я в Венеции, вокруг плещутся воды каналов, о чем-то сплетничают хорошо откормленные чайки, где-то звучит музыка. Я иду по мосту в шикарном длинном платье, мое лицо закрывает серебристая маска. Мне навстречу шагает красавец

---

¹² перейти к оплате

¹³ Отлично

¹⁴ Аэропорт в Венеции носит название Марко Поло

мужчина с громадной надписью «МАРКО» на животе. Он галантно кланяется, целует мою руку. Я улыбаюсь и снимаю маску. Радость на лице Марко уступает место неподдельному ужасу, он кашляет, хватается за горло, тычет в меня дрожащим пальцем. «У тебя же... у тебя... комочки на ресницах» выдавливает он перед тем, как окончательно сползти на землю и забиться в конвульсиях. Пробудившись утром, я решаю непременно купить новую тушь.

Новость о моем предстоящем отсутствии на рабочем месте не вызывает у директрисы энтузиазма. «Назаказывала трехногих стульев и в кусты» читается упрек на ее усталом лице. Однако ущемлять мои права работника она не решается, ограничившись сдвинутыми бровями и сжавшимися в тонкую ниточку губами. Надо заметить, что толку от лягушки-путешественницы на рабочем месте сегодня чуть. Собравшись в хоровод, все стулья от четырех- до одноногих выплывают вокруг меня завораживающий танец страсти. «Les gondoles à Venise» выводит басом дубовый стол. На заднем плане Хабиба прыгает с разбега в пышно разукрашенную гондолу. Разлетевшиеся во все стороны брызги, попав мне в лицо, возвращают из импровизированного мюзикла в реальность.

Вечером я перебираю свой гардероб в поисках достойной поездки в Венецию одежды. Таковой оказывается немного. От стирки и глажки последней меня отрывает Артур. На сей раз я достаиваюсь заманчивого предложения провести ве-

чер вчетвером: я, он, пицца XXL и гениальный фильм «Железный человек». Была бы я помоложе и понеразборчивее подобная перспектива возможно, привела бы меня в восторг. Но сейчас моя голова забита до краев открытками Венеции, меню дорогих ресторанов и фотографиями Марко. Потому я отказываюсь, сославшись на усталость. Артур, ничуть не расстроившись, мгновенно видоизменяет программу, перекроив пиццу у телевизора в выходные в Диснейленде.

- Я на выходные уезжаю, – неохотно признаюсь я.
- Куда это? – бесцеремонно допытывается молодежь.
- Пока секрет. Приеду, расскажу.

Вчера во время обсуждения предстоящей поездки, Марко заметил, что наверно не стоит ставить в известность моих близких, будут только переживать понапрасну. Лучше он потом сам приедет меня навестить и со всеми познакомится. Я согласилась с ним, посчитав такой вариант наилучшим. Достаточно только представить волну вопросов, которая захлестнет меня с головой, стоит мне заикнуться, что я еду в гости к итальянцу, которого видела исключительно на фото, и мне уже становится нехорошо. Да, Марко конечно прав. Чем объяснять каждому встречному и поперечному, из каких интернетных глубин я выудила Марко, лучше просто загадочно исчезнуть на пару дней, а потом вернуться красивой, отдохнувшей и благоухающей счастьем.

Артур пытается вытянуть из меня хоть горстку инфор-

мации, но я молчу как мальчиш-кибальчиш. В конце концов, он отчаивается, обиженно бурчит что-то про мою неспособность дружить и грозит больше не звонить. Подобные угрозы я слышу не впервые, и они меня не пугают. Остаток вечера я провожу в ожидании звонка Марко, но последний так и не тревожит тишину моей квартиры. А нахожу миллион оправданий этому молчанию от безобидного «слишком занят», до более пугающего «похищен инопланетянами». Так или иначе, клятву ежедневной связи Марко мне не давал, и требовать от него какой либо отчетности вследствие настоящей эфемерности наших отношений я не могу. В общем, волноваться мне не о чем. И все-таки когда я ложусь спать, у меня под боком сворачивается комочком тревога.

Следующие дни пробегают, мелькая наклеенными на спину номерами, как бегуны по дорожке. Марко звонит с утешительной периодичностью, Артур, как и обещал, выдерживает паузу, работа варится в своем неизменном котле однородной суповой массой. Оглянувшись спустя многие годы назад, на этот сгусток невзрачных на первых взгляд соединений секунд, минут и часов, я поставлю в упрек себе и отлучившемуся ангелу нашу тогдашнюю безответственность. Мы не разглядели за серой поверхностью дней силуэт спасительной двери, открыв которую, я уберегла бы свою шевелюру от преждевременного появления седых волосков. К сожалению, будущее развитие событий может предугадать только

зритель, прочитавший синопсис, но никак не участник спектакля под названием Жизнь. А потому вместо того, чтобы остановиться и задуматься, я спешу вперед к тому неизведанному, что рисуется мне пресловутым прекрасным далеко. А попросить его, повторяя слова детской песенки, не быть ко мне жестоким, мне в голову не приходит.

И вот неминуемо настает le jour J¹⁵. Я отправляюсь на автобусе navette в аэропорт Шарль де Голь. У меня между ребрами клокочет горячая смесь волнения и возбуждения. Голову распирает от наплыва вопросов, вожак которых, расталкивая собратьев, трубит: «Понравится ли мне Марко?» Самолет, урча мотором, поднимает мое тщательно выскобленное скрабом, побритое и спрыснутое духами тело над землей. Рассматривая в окне серо-зеленую палитру Парижа, я невольно испытываю внутреннее удовлетворение. Мне хочется обратиться к маме через разделяющие нас километры, горы и города, мне хочется, глядя в ее потухшие глаза, воскликнуть «Видишь, мама, я летаю! Ты считала, что я обречена ползать, но я посмела послушаться».

С самого детства мама была для меня тормозящим фактором. Все мои восторженные стремления и поползновения натывались на холодный гранит «это не для тебя». Мне хотелось носить алую курточку, но меня закутывали в коричневую. Я мечтала подобно подругам заниматься верховой ездой, но этот вид спорта был записан в категорию опасных.

---

¹⁵ День Икс (фр)

Мне нравилось рисовать, но мама считала что алгебра важнее безыдейной мазни. Моя жизнь была расписана ею по годам с четкостью, точностью, без права на ошибку или отступление. Я должна была окончить школу, поступить на экономический факультет, выучиться, выйти замуж за однокурсника, родить ребенка. Далее в сценарий входил мучительный развод с этим однокурсником, который по схеме должен был предпочесть расплывшейся от родов жене первую подвернувшуюся под руку (ну, или под другую часть тела) яркую вертихвостку. Брошенная мужем я переехала бы к маме, и мы вместе с ней и с удвоившейся лиловой слизью воспитывали бы дочь в семейных традициях. В детстве я не смела противостоять завернутой в мягкую варежку псевдозаботы материнской тирании. Я послушно зубрила ненавистную химию, хотя в старших классах она была предметом по выбору, и этого мазохизма вполне можно было избежать. Я в числе огромного стада абитуриентов поплелась поступать на модного в то время экономиста-бухгалтера, запрятав в дальний ящик любовь к языкам и скрутив в узел свою творческую натуру. Я даже провстречалась неделю с сыном маминой подруги, который по их общему мнению являлся для меня наилучшей партией. А потом во мне что-то надорвалось, какой-то шнур, отвечавший за послушание. Я представила себе ждущую меня перспективу и ужаснулась. Первые мои попытки выпорхнуть из-под тяжелого родительского крыла были пресечены бдительной мамой на корню. Она выбра-

ла хитрую тактику: как только непослушное дитя восставало и силилось проявить самостоятельность, маме резко становилось плохо. Она охала, ахала, стонала, просила вызвать скорую и не оставлять ее одну. Я легко попадалась в расставленные сети, суежилась вокруг несчастной родительницы, заваривала чай, приносила теплые тапки и звонила новоявленному кавалеру, чтобы отменить намеченное свидание. Он расстраивался, горестно вздыхал в трубку и возвращался домой к жене. Возможно, в то время мамина принудительная опека и спасла мое сердце от нескольких лишних швов, но вряд ли оно способно было это оценить. Ему хотелось любви-муки, горьких слез и разочарований, которые бы одели его в крепкий панцирь. В конце концов, это саморазрушительное стремление прорвало плотину маминого притворства и ринулось мощным потоком на истощенную засухой почву. Я вдыхала всеми легкими новый неизведанный воздух свободы, сжимая до боли веки, чтобы не видеть полунаигранные полуреальные страдания моей родной эгоистки. Но постоянно держать глаза закрытыми становилось все труднее, и я решила, что единственный способ избавиться от этого вечного гнета вины – бегство. Я рванула с мясом связывающие нас корни, отмахнулась от слез и стенаний и, расправив крылья, полетела в манящую неизвестностью независимость. С тех пор моим кредо стало – делать все так, как не сделала бы мама. Мама бы не стала придаваться любви на кухонном столе в первый вечер знакомства с французом

Фредериком. Мама бы не бросила учебу за полгода до защиты диплома. Мама бы не поехала в Венецию к незнакомому итальянцу.

Самолет медленно, как-то неуверенно, приближается к посадочной полосе. От волнения я по старой привычке начинаю проговаривать в голове заученные в школе стихотворения. Некоторые слова, покореженные временем, вытесненные из памяти более важными файлами или нацепившие пальтишко актуальности заметно отличаются от оригинальной версии. «Я к вам лечу, чего же боле, что я могу еще сказать. Теперь я знаю, в вашей воле меня презрением наказывать. Но вы к моей несчастной доле хоть каплю совести храня, вы все же встретите меня». Почему мой багаж так долго не едет? Японка вон уже получила свой корпулентный рюкзак, и парочка итальянцев поспешили к выходу, катя за спиной по зеленому чемодану. «Сначала я молчать хотела, поверьте, моего стыда вы не узнали б никогда, когда б надежду я имела...» Получить, наконец-таки, свой багаж. «Никогда, когда» что-то тут Александр Сергеевич напортачил. Оступился его четырехстопный акаталектический ямб. Черная, испещренная грязными полосами, лента тянется мимо меня. Все пассажиры из моего самолета разошлись, забрав свои вещи. И только мой подлый чемодан, выражаясь по-французски, подложил мне зайца [16]. Отчаявшись увидеть его предательский серый бок на потертой чешуйчатой поверхности, я отправляюсь в бюро пропавшего багажа составлять заявле-

ние. Вот вам и акаталектический ямб! Первый блин моей поездки выходит комом. Посмотрим, каким будет второй и самый главный. Сжимая во влажных ладонках пакет с принадлежностями первой необходимости, я выхожу в зал ожидания. «Я жду тебя. Единым взором надежды сердца оживи..» Ой, нет, такой точно не оживит. Слава Богу, прошел мимо. Где же мой коварный искушитель? Может, вот этот брюнет в синей майке? На фото из Интернета не похож, зато симпатичный и улыбается мне во все передние зубы. «Не ты ли милое видение?» Нет, милое ведение забрала расторопная японка. Вот ведь, ей, выходит, и рюкзак и красивый итальянец, а мне фигу с маслом? А вот, кажется, и она, эта самая фигу.

– Bon giorno¹⁶, Татьяна! Я – Марко!

М-да, не сказал бы, я бы и не догадалась. Те фотографии, коими пичкал меня сей экземпляр, были сделаны лет двадцать назад. И позировал, скорее всего, его более одаренный природой товарищ. Нет, не сказать, что Марко прямо таки урод. Он среднестатистический итальянец, высокий, немного сутулый, судя по провисающей рубашке не особенно фигуристый, с широким лбом, неряшливой прической, громадным носом, невыразительным ртом и пронзительными черными глазами. Его глаза могли бы быть красивыми, не находишься они в плену у серовато-коричневых теней, окруживших их со всех сторон. Такие веки обычно бывают у индий-

---

¹⁶ добрый день

цев или арабов. Создается впечатление, что человек пошел загорать в защитной маске, и солнце прожарило как следует только глазную область. «Быть может, это все пустое, обман неопытной души?» Или ухищренного компьютерного афериста.

– Привет, Марко! – прихожу-таки в себя я.

– Где твой багаж?

– Не долетел, – пожимаю плечами я.

– Ничего, не волнуйся, у меня все есть.

– Я не знала, какой адрес дать, чтобы мне его завтра привезли.

– Я во всем разберусь. Ни о чем не переживай. Пойдем, лодка ждет нас.

Я послушно плетусь следом за ним. Пожалуй, мама ты сделала бы правильно, не полетев на встречу к неизвестному итальянцу. Сохранила бы сливки своего гардероба и избежала бы очередного разочарования. Внешность, конечно, в мужчине не главное, но прятаться за чужими фото, я считаю, – подлость. Мог бы замазать свои совиные круги вокруг глаз в Фотошопе и послать пусть улучшенное, но, по крайней мере, собственное изображение. Есть такая категория интернетных ухажеров, которые до пятидесяти лет шлют всем понравившимся девушкам свой единственный удачный снимок тридцатипятилетней давности. Не думала я, что в лице Марка встречу именно такого прожженного червя. А червь тем временем помогает мне перебраться в красивую отде-

ланную деревом моторную лодку и встает за штурвал. Судя по мягкой кожаной обивке и безупречному глянцевому покрытию, по крайней мере, насчет материального благосостояния заморский хамелеон не соврал. Интересно, куда он меня везет? По телефону он вроде что-то щебетал про собственный дом. Будем надеяться, в этом доме несколько спален. Заметим, что раньше меня вопрос совместного почевания как-то не волновал. Но узрев истинный облик Марко, я мгновенно откидываю занавесь беспечности над вопросом общего ложа. Согласитесь, тереться боком о красивого итальянца это совсем не то, что сносить примитивные приставания от некрасивого.

Лодка несется вперед, уверенно рассекая волны. Мне в лицо летят холодные брызги. Я изо всех сил пытаюсь вытянуть из глубин разочарования застрявший клочок оптимизма. «Может, он человек хороший?» нацарапано на нем корявым подчерком. «При такой внешности ему только это и остается», вздыхает во мне реалистка. На въезде в канал Марко приглушает мотор. Слева мелькают выжженные летним солнцем поляны, хилые сгустки деревьев и колючая проволока, справа похожая флора, но поживее и без колючек. Впереди маячит пурпурно-красная стена особняка.

– Вот мы и приехали, – сообщает капитан судна, впервые за всю дорогу повернув свою кудлатую голову в мою сторону.

– Что-то на Венецию не похоже, – недоуменно выдаю я, разглядывая красивый фасад.

– Это Торчелло, остров на севере лагуны. Я живу здесь.

Марко привязывает лодку к потрескавшейся и выбеленной временем деревянной свае, перепрыгивает на берег и протягивает мне руку. Я осторожно, чтобы не потерять равновесие, переступаю на ступеньку. Крепкая ладонь Марко обхватывает мои пальцы и тянет вперед. В его прикосновении чувствуется твердая нерушимая сила, которую величают «мужской». К этой силе, однако, не примешивается ни щепотки нежности. Марко тащит меня на берег, как тащил бы набитые гниющей несъедобностью сети или пианино на 10 этаж.

Мы заходим в сквозной коридор, который выглядывает противоположной дверью на террасу. Я, успевая краем глаза отметить круглый стол в узорах виноградных теней и зеленые початки кипарисов. Марко поднимается вверх по лестнице мимо огромной деревянной иконы, изображающей распятого Иисуса Христа. Я семеню следом, отчаянно глаза по сторонам.

– Этот дом принадлежал еще моему деду, – бросает хозяин из-за спины, – Он мечтал сделать из него музей. Может быть, когда-нибудь я выполню его пожелание. А вот твоя комната.

Само по себе определение «твоя комната» меня радует, а то, что за ним кроется не очень. Моему взору представляется маленькая комнатка с нагромождением антикварной мебели, узкой кушеткой и крохотным окошком в потолке.

Из своего парижского угла я перенеслась в его венецианский аналог. Видно всевышний решил, что нефиг мне привыкать к хорошему.

– Я подумал, что спать вместе со мной ты не захочешь, – оправдывает спартанские условия гостеприимный итальянец, – А в правом крыле дома ремонт.

– Да, ты прав, – бормочу я, – так будет лучше.

– У тебя тут даже есть отдельный туалет. А через правую дверь можно подняться на крышу.

И спрыгнуть с нее, распрощавшись с иллюзиями. Эх, Марко, что-то в тебе не так. Мало того, что мне вместо Эрмеса подсунули на жизненной распродаже Виттон, так из него еще и нитки торчат и пятно подозрительное на боку. А возвращать поздно. Товары со скидками назад не принимаются.

– Хочешь посмотреть остальные комнаты? – предлагает бракованный, почесав затылок.

На его грубом, словно выстроганном плохим мастером, лице не читается ровным счетом никаких эмоций. Непонятно, рад он мне, не рад, доволен реальным воплощением интернетной картинки или разочарован. Я разглядываю исподтишка его профиль. Мне удастся, наконец, отыскать, кого мне напоминает Марко. Он просто вылитый Урфин Джус. Та же прическа, те же кустистые брови, внушительных размеров нос. Для полноты картины не хватает только нездорового румянца на щеках и болотного цвета головного убора.

– С удовольствием, – бубню я.

Хотя особого удовольствия по поводу экскурсии по дворцу императора самозванца не испытываю. Гостиная с камином и восхитительной библиотекой. На столе старинная морская карта Венеции, на которой обозначен Торчелло и существовавший уже тогда особняк. А вот и хозяйская спальня. Просторная кровать с пышным покрывалом, элегантные одежные шкафы, бархатистые кресла... Как-то все это роскошество подозрительно контрастирует с выделенной мне каморкой. Очевидно, гостеприимство итальянцев превратилось в очередной беспочвенный миф. Будь на месте Марко мужчина мечты, он непременно отдал бы свою спальню в распоряжение гостыи, а сам бы перекантовался на диване в клетухе. Но мужчина мечты, как известно, давно вымер, съев перед смертью книгу с полезными советами о том, как завоевать женщину.

– Ты наверно хочешь принять душ, – с опозданием догадывается панда, закончив обзорный тур по своим владениям.

Я киваю и отправляюсь на выделенные мне квадратные метры. Личный туалет оказывается таким узким, что, пробраться на унитаз, надежно спрятанный за стиральной машиной, мне удастся только с третьей попытки. Душ, как и следует ожидать, учитывая продолжительность действия закона подлости, обрушивается мне на темечко ледяным потоком, не дав времени разобраться, какой рычаг за что отвечает. С укладкой приходится распрощаться. С частью макия-

жа тоже. Я вытираюсь сероватым полотенцем и протискиваюсь к выходу, протирая попутно боками стиральную машину и корзину для белья. Фен в комплект услуг личного туалета не включен, потому я просто выжимаю волосы и завязываю в пучок на затылке. Благо на улице тридцатиградусная жара. Роюсь в сумке в поисках косметички. Кажется, я сунула в главный отсек и паспорт. Надо бы переложить в отдельный кармашек. Косметичка, наконец, нащупывается, а вот паспорта нет. Марко стучит в дверь и спрашивает, готова ли я. Смотря, к чему. Я бормочу невнятное «угу» и поспешно возвращаюсь в малогабаритную ванну, чтобы в ускоренном темпе освежить попорченную вероломным душем красоту. Марко ждет меня за дверью, нетерпеливо переступая с одной обувью в стильный длинноносый ботинок ноги на другую идентичную.

– Куда ты хотела бы поехать? – безынициативно гундит мне в спину он, когда мы спускаемся по витиеватой лестнице.

«Домой» думаю я, на секунду затормозив на самом понятии «дом». Что мне все таки ближе, парижские два с половиной квадратных метра, пропитанных свободой и одиночеством, или же пропахшие насквозь маминым негативом двухкомнатные просторы.

– Может, тебе нужно что-то купить? – продолжает мой вялый спутник, так и не дождавшись ответа.

Ах, да, у меня ведь пропал чемодан! Проинтуичил, что

Марко окажется гнилым грибом, и махнул отдыхать на Мальорку в гордом одиночестве.

Я прошу итальянца отвести меня в магазин белья. Стирка трусиков в казармовских условиях представляется мне плоховыполнимой задачей. Марко безразлично соглашается. Похоже, я ему не нравлюсь. Сей факт по непонятной причине скребет мое нутро лопаткой досады. Вот ведь хмырь! Сошла к нему девушка прямо с фото, такого же веса, роста и телосложения, как обещал снимок, а этот эстет еще нос свой урфинджусевский морщит! Абыдно даже, как говорил товарищ Саахов. На мой взгляд, Марко должен был воспарить от восторга и попытаться залатать улыбками, спрятать за букетами цветов, засыпать комплиментами и подарками ту зияющую пропасть, что разверзлась между его цифровой и реальной внешностью. Но куда там! Запрыгнул в лодку, даже руки не подал.

Но совсем скоро я забываю о пренебрежительной холодности Марко, как и о нем самом. Перед моим взором разворачивается ее величество Венеция. Сотни раз виденный по телевизору и на фото, Гран Канал сносит меня с ног своим ярким, слепящим великолепием и набежавшей малахитовой волной. Я поднимаюсь, цепляюсь крепче за борт и вдыхаю всеми легкими покачивающийся в колыбели канала красочный город-сказку.

– Направо мост Вздохов, – комментирует Марко, заметив обуявший меня восторг.

– По нему узников вели на казнь. Сквозь резную решетку осужденный последний раз видел небо.

– Печально, – замечаю я, мысленно стирая с праздничной картинки эту мрачную кляксу.

– В истории Венеции вообще много трагичного.

– Я думала, напротив, Венеция – веселый город. Все эти карнавалы...

– Ну, здесь в Средневековье легко уживались две крайности – необузданное веселье и необузданная жестокость.

– Ты об этом рассказываешь своим состоятельным туристам? – вспоминаю я полу-хобби, полу-заработок Марко.

– Да, это часть программы.

– А остальная часть что?

– Мы сейчас пришвартуемся у Пьяцца Сан Марко. Я там недалеко знаю магазинчик Интимиссими, – оставив мой вопрос без ответа, сообщает Марко.

Мы выгружаемся на берег и вливаемся в плотные ряды традиционно экипированных туристов. Глядя на их шаблонные бежевые бермуды, полосатые майки и красные козырьки кепок, я томлю свой мозг недоуменной мыслью-вопросом: Неужели этим хомо туристосам интересно по возвращению на родину листать сотни-тысячи снимков, где на разном фоне запечатлен один и тот же незамысловатый гардеробчик? С таким же успехом можно себя любимого с любимым рюкзаком в любимых торчащих и сандалий носочках запечатлеть один раз, а потом вырезать и клеить на разные пейзажи.

Впрочем, им проще, они не заморачиваются. Не отвлекаются ни на расплавившуюся на солнце тушь, ни на осложняющий продвижение каблук. Помнится, мы с мамой отправились отдыхать в Неаполь, и я взбиралась на Везувий в белом мини и на маленькой, но все же шпильке. Потому как именно такой образ а не черепаший рюкзак и трость, по моему мнению, наилучшим образом контрастировал с темной зубристой пастью кратера.

– Заполонили, – недовольно фырчит Марко, солидарный с моим молчаливым осуждением, – Уничтожили город эти туристы.

– Ну, зато от них прибыль идет, – замечаю я, старательно работая локтями, чтобы не потерять из виду моего гида.

– Да, какая там прибыль! Эти же не тратят ничего. Выгружаются в восемь утра со своих гигантских лайнеров, разбегаются по достопримечательностям из расчета десять минут на церковь, потом едят привезенные сэндвичи в какой-нибудь подворотне и в пять отваливают обратно. А ты говоришь, прибыль! Грязь от них одна, а не прибыль!

Марко чеканит слова с такой упрямой яростью, с какой его близнец строгал из дерева своих знаменитых солдат. На моей спине даже собирается стайка испуганных мурашек. Я ведь, как не посмотри, тоже турист.

– Город, тем более, такой как Венеция, нельзя обежать за несколько часов. Его нужно почувствовать, понять.... А вот, кстати, и магазин белья.

Мы заходим в небольшой бутик, витрины которого пылают огромными алыми цифрами, сулящими гигантские скидки. Судя по нескольким ценникам, которые я разглядываю украдкой, бельишко тут не самое дорогое, если не сказать дешевенькое. А если прибавить обещанную скидку, то пара трусиков и лифчиков обойдутся практически даром. Похоже, следом за «внешностью» из блокнотика, носящего название «Марко», пока вычеркивать и «щедрость». Я выбираю пару-тройку более ли менее пригодных комплектов и исчезаю за занавеской передевалки. Итальянское бельишко так же индифферентно к моему телу, как и мой венецианский кавалер. Оно его не портит, но и не красит. Я задумываюсь над выбором между двумя идентичными, дышащими унылой обыденностью лифчиками, когда штора самовольно дергается и отползает в сторону, пропуская в кабинку любопытную голову.

– Ей! – возмущенно вспыхиваю я и, не успев сообразить, какую часть заслонить в первую очередь от бесстыжего взгляда, по-страусиному закрываю ладошками лицо.

– Извини, – Марко, изобразив раскаяние, возвращает занавеску на место.

Именно изобразив, потому как по его довольной физиономии за короткое мгновение проносится что угодно, только не сожаление о совершенной оплошности. К тому же он прекрасно видел, в какую кабинку я направилась. Значит, по всему выходит, что заглянул намеренно. Станный тип.

Вроде вырос уже из возраста подглядывания за одноклассниками в дверную скважину. Причем достаточно давно. Неутешительный ответ настойчиво стучаться в дверь с табличкой «Мозг. По пустякам не беспокоить». Секретарь просит его зайти попозже, ибо начальство страшно занято вопросом выбора бюстгальтера. Но ответ не уходит, он скандалит, барабанит по дереву и, прорвавшись, наконец, на прием, громогласно заявляет: «Марко – извращенец». М-да, весьма вероятно. Всю дорогу не проявлял ко мне даже по-дружески вежливого интереса, заселил в каморку под крышей, а потом вдруг на тебе – шкодливо лезет в переддевалку, сверкая совиными глазищами с возбужденно суженными зрачками. Как пить дать, извращенец! Вот вам и Вениз Эксперьянс! Я одеваюсь, так и не выбрав лифчик, и выхожу из укрытия. Заклеймленный позорной печатью Марко с кем-то оживленно беседует по телефону. До меня доходит смысл только конечного «Va bene, ciao».

– Scuzi, – обращается он ко мне, запихнув мобильный в карман, – Извини. Мне показалось, что ты вышла, и я тебя пропустил.

А, может, и правда? Может, и нездоровый охотничий блеск мне привиделся в тусклом освещении? Мне становится стыдно за эту минутную панику. Этот глупый испуг можно было бы простить семнадцатилетней девственнице-недоτροге, но никак не современной самостоятельной женщине, приехавшей к мужчине отнюдь не с пуританскими намере-

ниями.

– Выбрала?

– Ага, вот этот, – сконфуженно протягиваю я первую попавшуюся под руку кружевную связку.

– Отлично. Давай я пойду, заплачу.

– Да я сама...

– Даже не думай. Ты – моя гостья.

Ну, и ладно. Пусть не великая, но все же экономия. Марко протягивает мне пакет с гордым видом щедрого дарителя. Я кисло улыбаюсь.

– Мне нужно зайти в один магазин, – ставит меня в известность он, когда мы выходим на кишашую кепко-рюкзачным людом улицу, – Это совсем рядом. Ты не против?

Я безразлично пожимаю плечами. Мы снова вливаемся в туристический поток, который в быстром темпе доставляет нас к месту назначения. Таковым является облицованная деревом книжная лавка, в просторных витринах которой выставлены плотные тома в искусном переплете. Марко жмет на кнопку звонка. Дверь нам открывает невысокого роста круглолицый мужичок с заостренными чертами лица, придающими его облику отдаленную схожесть с лисцей. Той, что выманила сыр у вороны. Мужчины обмениваются сердечными рукопожатиями и приветливыми «*Bon giorno, come stai?*¹⁷». Марко представляет мне хитрого ли-

---

¹⁷ Привет! Как дела?

са как Франческо. «Bellissima¹⁸» комментирует тот, разглядывая меня с пронырливой смешинкой в маленьких прищуренных глазках. Меня задевает его насмешливый раздевающий взгляд. Подобным может позволить себе полоснуть женщину обладатель ее самой сокровенной и интимной тайны, но никак не первый встречный незнакомый итальянец пенсионного возраста.

– Франческо занимается реставрацией и переплетением старинных манускриптов, – объясняет мне Марко, теребя кожаную обложку какой-то внушительного вида книженции.

– Очень увлекательно, – гнусавлю я, делая вид, что разглядываю посеребренные пылью издания.

– Вот я тебе принес на переплет интересный сборничек. 17 век, – обращается Марко к дерзкому книговеду.

Тот с вдохновением ценителя перебирает пожелтевшие, будто котами помеченные, страницы.

– Вене. Сделаю в срочном порядке, – облапав как следует дряхлую книжную реликвию и втянув узкими ноздрями аромат вечности, обещает Франческо.

– А вот, кстати, я закончил твой предыдущий заказ. Мемуары Казановы на французском. Два тома.

– Тут есть над чем поработать, – усмехается Марко, и они с переплетчиком обмениваются скабрёзными ухмылками.

Я чувствую себя так, словно черпая ложкой ненавистный молочный суп, я обнаружила во рту тошнотворный сгусток

---

¹⁸ Красавица

пенки. Выплюнуть его обратно в тарелку неудобно, но и проглотить эту гадость невообразимо. Наконец, мы оставляем почитателя книжной трухи наедине со своими проеденными молью питомцами и выбираемся на свежий воздух.

– Пойдем ужинать? – предлагает Марко.

– Я бы площадь Сан Марко посмотрела, – вяло замечая я.

Посмотрела *бы*. Если бы была в обществе того загорелого красавца, которого презентовал мне беспроводной Интернет. Что, кстати, с ним стало? Каким странным, неизвестным науке образом, этот симпатяга перевоплотился в филина Марко? Может, наш герой был подобно кашеподобному президенту Украины скоропостижно отравлен врагами?

– Ну, пойдем, – без охоты соглашается отравленный.

– Марко, извини за вопрос, но ты мне тогда свое фото прислал? – любопытствую-таки я.

Обидится, так обидится. Терять мне все равно уже нечего. Все стоящее, включая чемодан и девичьи грезы, я уже благополучно утратила.

– А что не похож? – нервно хихикает Марко, не смотря в мою сторону.

– Вообще-то не очень.

– Ну, я там помоложе был. Ты ведь тоже не вчерашнее фото мне послала.

Однако! Моим же копьем меня же в спину.

– Ну, моему меньше года! – защищаюсь от этого неожиданного нападения я.

– Да ладно? – недоверчиво гундит подлец.

Ошарашенная подобной наглостью, я не нахожу, что ответить. Именно в этом удивленно-обиженном состоянии я заступаю на площадь Сан Марко. Помнится мне, у нас дома на полке ютилась невесть кем, когда и кому присланная открытка с изображением этой самой площади. Разглядывая выцветшее фото, я каждый раз думала – как же они уживаются вместе, эти волшебные круглые византийские купола и банальный острый кирпичный шпиль, напоминающий советскую послевоенную постройку? И неужели этот нелепый диссонанс и есть красивейшая в мире площадь?

Теперь же, спустя многие годы, увидев вживую эту архитектурную мешанину, я не нахожу ее шокирующей, даже наоборот, меня с головы до ног наполняет благоговейный трепет. Солнце, появившись последний раз из-за кулис под оглушительный аплодисменты, благодарно простирает руки-лучи, поглаживая мягкими золотистыми ладонями купола дворца Доджей. Эта картинка так же неминуемо обязывает к романтике как коробка конфет и бутылка шампанского, как доблестное вызволение из лап злодеев, как пресловутые свечи за ужином. Потому на площади то там, то тут мелькают наглотававшиеся этого пьянящего воздуха склеившиеся ладонями и губами влюбленные парочки. Основной поток туристов-однодневок, запасаясь открытками и нашлепками на холодильник, схлынул, оставив Венецию уставшей и опустошенной, какой бывает женщина после затяжного ак-

та любви, удовольствие от которого она получала лишь первые десять минут, а остальные полтора часа терпеливо ждала, пока насытится мужчина.

– Купите розу, – предлагает восточного вида торговец са-мозабвенно скрутившимся в объятиях англичанам.

Нас он обходит стороной, не усмотрев в наших развернутых в разные стороны взглядах искры, способной воспламенить сердце и мозг и заставить спонтанно приобрести полувявший цветок. Меня пронимает зависть к этим незнакомым счастливым и досада на Марко, на себя и на господ Бога, который всегда во всех бедах оказывается крайним.

– Ну, что, пойдем ужинать? – вопрошает Марко с интонацией мужчины, целый день протаскавшегося следом за женой по ненавистным бутикам.

Мы бредем по полутемным, пропитанным вечерней влажностью улочкам рядом, но не вместе, как два параллельные прямые, что никогда не пересекаются. Ресторан под названием Венецианское Бистро находится недалеко от Сан Марко. Я усаживаюсь за обернутый белоснежной скатертью столик. Марко о чем-то бегло чирикает с официантом. Я разглядываю богатое меню, ощущая, как пробуждается съезжившийся желудок и расправляет свою широкую, прожорливую пасть. Мы с ним останавливаем выбор на ризотто с грибами.

– И это все? Ризотто это только антипасти! – дивится Марко.

В то время как у французов это рисовое блюдо являет-

ся ключевым в трехзвенной цепочке *etrée-plat-dessert*, гурманы итальянцы считают его вступлением, готовящим желудок к более аппетитной и сытной развязке. Сам Марко берет салат, таглиони и еще какое-то мясо. Я вожу взглядом по его просторной рубашке, пытаюсь угадать, куда после проглатывания отправится все это изобилие. К заказу итальянец прибавляет бутылку белого вина. Глядя на струящуюся в бокалы золотистую жидкость, я вспоминаю анекдот про уродливую девушку, которая на свидание ходила со своей водкой. Может, после пары-тройки бокалов Марко покажется мне симпатичнее? Сомнительно, конечно.

– Ты рассказала кому-нибудь обо мне? – интересуется Урфин, промокнув губы в вине.

– Неа.

И правильно сделала. Потом пришлось бы краснеть и заминать ответ на многочисленные «Ну как он?».

– Даже маме?

– Даже маме. Мы не очень близки. Созваниваемся раз в неделю. Или в две.

– У нас в Италии между родственниками обычно более тесные связи.

У нас обычно тоже. Но не рассказывать же некрасивому чужому Марко про тяжелый спутанный комок наших с мамой взаимоотношений.

– Ты говорила, что рассталась со своим другом... год назад?

– Полгода, – машинально корректирую я.

Сто раз об этом по телефону говорили. Мог бы и запомнить, проникновенный ты наш. Вообще чем можно, интересно, объяснить эту разящую разницу между телефонным и реальным поведением Марко? Тем, что при личной встрече я ему не понравилась? Это, однако, увесистый камень в огород моей самооценки.

– Он тебе не звонит больше? Не пишет?

Звонит и вешает трубку до первого сигнала. Пишет длинные любовные письма и рвет их на мелкие клочки. И каждую ночь стоит в укрытии теней под моими окнами. Не звонит, не пишет, не стоит. И телефонному Марко я уже об этом говорила. У меня создается впечатление, что голос в трубке и этот сутулый итальянец в рубашке навыворот два совершенно разных человека.

– Нет, – кратко отвечаю я, концентрируясь на принесенном официантом ризотто.

Вскоре вино, разлившись по сосудам веселяще-будоражающим ядом, заметно поднимает отметку настроения. Моя душа, сбросив с заживших ран бинты, робко просит глотка романтики. Невооруженным глазом видно, что Марко в этом плане являет собой окончательно и бесповоротно пересохший ручей. Следовательно, вектор поиска поворачивается в другом направлении. Со времен молодежных вечеринок, первых бокалов шампанского и первых трепетных влюбленностей, я обнаружила в себе досадную слабость. Стоило мне

опрокинуть пару алкогольных коктейлей, как ручонки сами тянулись к телефону, а шаловливые пальцы-предатели набирали какой-нибудь бредово-откровенное послание объекту вожделения. Бывало даже, что таковым объектом становился самолично брошенный экс-бойфренд. А на следующий день после пьянки-гулянки меня донимали стыд за содеянное и ответная реакция потревоженных (далеко не всегда положительная). Помучившись таким образом некоторое время, я решила пресечь дальнейшие постыдные выходки простым и кардинальным способом – я просто перестала хранить в записной книжки телефона номера возможных мешеней пьяных откровений. Этого правила я придерживаюсь и до сих пор. Номер Фредерика уже пол года не числится в списке моих контактов. Пока Марко что-то скучно брюзжит то ли о хамстве туристов, то ли о невозможности пришвартоваться в центре, мой подстрекаемый винными парами мозг тщательно ищет жертву, на которую можно было бы излить хоть часть накопившейся жажды любви или хотя бы яркого секса. Кандидатов на неожиданное признание к его огромной досаде не обнаруживается. Даже того зануду Жилы я благополучно удалила сразу же после бестолкового рандеву. Остался только Артур. Друг, товарищ и брат. До сих пор не подает знаков жизни, что для него не характерно. Эх, лучше бы с ним в Диснейленд поехала вместо того, чтобы с этой образиной рис есть. Ладно, за неимением лучшего, напомним Артуру. Очень уж опьяненный организм требует. «Я

скачаю» печатаю я под столом незамысловатый текст. Можно расценить и как дружеское напоминание о себе. Никаких намеков и скабрёзности. Будем считать, что я взрослею.

– Будешь десерт? – возвращает меня к реальности голос Марко.

– Ага. Сорбэ.

– А я возьму тирамису.

Вот ведь обжора. Богатырский аппетит Марко раздражает меня, потому как в непонравившемся мужчине женщину обычно раздражает все без исключения. Любая деталь, которая одобренному экземпляру записывается в плюс, забракованному идет в большой минус. Завершив на половину (мою) умеренный, а на другую (Марко) заметно наклоненный в сторону обжорства ужин, мы покидаем ресторан и берем курс к пристани, где мой проводник припарковал свою «Риву». «Я тоже!!!» «Где ты?» «Что делаешь?» «Пропала! Я же волнуюсь» вибрирует в кармане мобильный тревожными сигналами. Мои губы своевольно расплываются в улыбке.

– Кто это? – бестактно лезет в мое личное пространство итальянец-разочарование.

– Друг. Просто друг, – бормочу я, разгребая обилие сообщений.

Мне искренне хочется, чтобы в этой вечерней бархатистой мгле с блеклым орнаментом фонарей рядом со мной был не чужеродный Марко, а привычный, веселый, задиристый Артур. Мы набродились бы вдоволь по головокру-

жительному лабиринту улочек, похихикали бы исподтишка над зазывно трущимися друг о друга влюбленными, слопали бы вопреки наказам всех диет по мясистому мороженому на площади Сан Марко...

– Ты мне о нем не рассказывала, – недовольно пыхтит Марко, отвязывая лодку.

Руки он мне опять же не подает. «Я в Венеции. Итальянец – отстой» печатаю я, стараясь держать равновесие.

– А чего рассказывать. Я же говорю, просто друг. Кстати, Марко, у тебя нет случайно зарядки от Самсунга? Моя в чемодане осталась.

– Посмотрю, – кряхтит капитан, выводя судно в открытые воды.

Слева опять мелькает бок дворца Доджей и мост с печальной историей, потом мы несемся мимо каких-то зеленых зарослей, очевидно, парка, которые в свою очередь сменяет безрадостная кирпичная стена.

– Что это? – пораженная контрастом с цветущим центром, спрашиваю я.

– Арсенал. Мастерская для строительства военных судов. Про нее даже Данте писал в своей песни «Ада».

– А что в ней такого адского? – допытываюсь я, вглядываясь в сумрачную крепость.

Неожиданно перед моими глазами проплывает выведенная огромными буквами фраза: SOMETHING STRAGE IS

Я молю Бога, чтобы он не сделал попытки к сближению. Мои молитвы оказываются услышаны. Марко просит дать ему на минутку телефон, чтобы он мог подобрать зарядную, и через несколько минут, возвратив мне его вместе с кабелем, желает спокойной ночи и удаляется. Я обваливаюсь всем своим уставшим каркасом на не первой молодости диван, который отзывается на подобное вероломство протяжной трелью. Воткнув провод в розетку, я обнаруживаю, что другой его конец не имеет с выемкой моего Самсунга ничего общего. Щедрый Марко подsunул мне тяжеловесное заряжающее устройство от Нокии старого образца. Не вынеся подобного оскорбления, мой мобильный друг испускает протяжный вздох и умирает. Отлично! Теперь даже с Артуром не поболтать! Специально что ли этот гад подsunул мне бесполезный кабель? Тревога разрастается в груди большим ветвистым деревом, сучья которого царапают меня, не давая заснуть. Однако, в какое-то мучительное забытие я все-таки погружаюсь, застряв на границе между сном и явью. Из него меня спустя час, а, может, и три вытягивают четко различимые голоса. Говорят по-итальянски и достаточно громко. Судя по всему нарушители покоя находятся где-то за пределами дома. Гонимая врожденным любопытством, я взбираюсь по деревянной лестнице на крышу. Вид отсюда даже сквозь ночную мглу просматривается нехилый. Марко оттяпал себе не только гигантскую виллу, но еще и громадные зеленые просторы виноградников, фруктовый сад и правиль-

ный прямоугольник бассейна. «Кудряво живете» с легкой завистью делаю вывод я. Впрочем, поглазеть на чужое богатство я еще успею. Вернемся к потревожившим меня голосам. С крыши их обладатели невидны, их надежно скрывает козырек террасы. В любом случае это два о чем-то недовольно спорящих мужчины. Один из них, похоже, небезызвестный нам хозяин дома. Эх, понять бы, что они там балакают. Зря я бросила в старшей школе учить итальянский, споткнувшись о топик «Мои апартаменты» и не продвинувшись дальше «грациозо дивано». Вот и получаю теперь бла, бла, бла, *figlio di putana*, бла, бла, бла, *ragazza*, бла, бла, бла... Смысл произносимого остается за языковым барьером, зато брызжущий негатив с легкостью его перемахивает. Что так разозлило позднего гостя Марко? Из-за чего они так яростно быются на словесных шпагах? Страх, подобравшись незаметно сзади, приветливо хлопает меня по плечу, заставив вздрогнуть. Таким садистическим развлечением помнится промышляла наша пожилая историчка. Выбирая жертву, она медленно ходила вдоль рядов застывавших в позе испуганной черепахи учеников. Стоило тому, кого угроза в виде щупленько старушки вроде бы миновала, облегченно перевести дух, как коварная преподавательница разворачивалась на стовосемьдесят градусов и шлепала несчастного ладошкой по плечу с вердиктом «ты будешь отвечать!» Однажды мы с подружкой опоздали на половину урока, жажда досмотреть до конца страшно важную (а других, собственно говоря и не бы-

ло) серию «Богатые тоже плачут». Историчка мне поставила влепила двойку сходу, а подруге выставила ультиматум «расскажешь, что произошло в этой серии, ничего не поставлю, не расскажешь – последуешь Таниному примеру». К несчастью, в том самом эпизоде великой бразильской новеллы как раз кто-то с кем-то переспал, или кто-то кого-то обесчестил. Подруга краснела и бледнела, но рассказать такую пошлость при всем классе так и не смогла, за что и была наказана. Да, все-таки нашему поколению достались последние лучи заходящего солнца нравственности. Современные шестиклассники уже гордо рисуют в Photopaint'е мужские половые органы. Эти обрывки воспоминаний проносятся встревоженной стайкой мотыльков у меня в голове и исчезают, не оставив ни следа. Интонация спорящих постепенно слабеет, волна агрессии отливает. Я, кажется, даже различаю короткий выброс смеха. Ну, и, слава Богу. Никто никого не убил. Не придется мне завтра участвовать в импровизированном захоронении. Я пытаюсь этими циничными полу-шутками отогнать пристроившийся рядом страх, но он упрямится, цепляется за ногу и тащится следом за мной в тесное укрытие моей спальни. Однако не смотря на эту не самую приятную компанию уснуть мне все-таки удастся.

Пробуждаюсь я на следующее утро такая помятая изнутри и снаружи, как будто всю ночь, глотая одну за другой маленькие, но подлые стопочки текилы, отплясывала на барной стойке топлесс на пятнадцатисантиметровых каблуках.

М-да, лучше бы и правда отплясывала, страдала бы теперь заслуженно. Попутно поставив пару-тройку синяков, пробираюсь в душ. Что день грядущий, интересно, нам готовит? Будем надеяться, более аппетитное и съедобное блюдо, чем то, которым потчевал вчерашний. Освежив по мере возможностей опухшую физиономию макияжем, спускаюсь по ступенькам на первый этаж. Марко обнаруживается на террасе за завтраком. Подождать меня для совместной трапезы он не удосужился. На объекте моих телефоно-интернетных фантазий белая майка-алкоголичка, которая бесстыдно демонстрирует всему свету и прежде всего мне сутулые бледные плечи, кустистую, незнакомую с бритвой поросль подмышек и длинные, на вид не слишком сильные руки, от запястья до локтя покрытые черными кудрявыми волосами. На уровне сгиба растительность резко обрывается, как будто конечность состряпана непривередливым хирургом из двух отдельно взятых частей, одной лохматой и одной лысой.

– Доброе утро! – приветствует меня Марко, прожевывая щедро смазанный вареньем ломоть белого хлеба.

– Доброе, – с сомнением возвращаю я.

– Мне надо будет потом отъехать по делам ненадолго, поэтому я пораньше решил позавтракать, – объясняет отсутствие хороших манер хозяин дома.

– Сегодня суббота вроде, – вспоминаю я, робко отковыривая корочку хлеба.

– Ну, я работаю, когда есть клиенты. У меня график

ненормированный.

Ну, и вали на все четыре стороны, плакать не станем.

– А с кем ты ночью ругался? – проявляю любопытство я.

Пожилая женщина со сморщенным, как засохшее яблочко лицом наливает мне в чашку кофе.

– Grazie, – киваю ей я.

Она бросает на меня пронзительно мученический взгляд, с каким мать провожает сына на войну. От неожиданности и неуместности подобной экспрессии меня пробивает дрожь.

– Ночью? А, это Луиджи, мой свекор. Его пригласили на вечеринку, а потом в последний момент девушка позволила и сказала, что их набралось 12, и если он присоединится, это будет несчастливым числом. Луиджи был очень расстроен.

Расстроен, *mon cul oui*²⁰! Упомянутый Луиджи судя по тону был просто взбешен на столько, что готов был сорвать с себя кожу и, оголив железный каркас, расстрелять всех вокруг из вмонтированных в грудную клетку минометов. (Спасибо тебе, Артур, за ценное теле-образование). И этот гневное извержение, как мне показалось, было направлено не на суеверную итальянку, а непосредственно на Марко. Что-то ты сочиняешь, Урфин Джус!

– Ты мне заряджку от Нокия подсунул, а у меня Самсунг, – продолжаю наступление я, запив крепким кофе

---

²⁰ Ну, да, конечно! (фр) (простонародное выражение в интерпретации автора)

неправдоподобную версию ночной ссоры.

– А, да? Самсунг? Такой у меня нет. Я позвоню сегодня насчет твоего багажа. Если он нашелся, захвачу по дороге.

– Это было бы замечательно. А то ходить все выходные в пропотевшей одежде мне как-то не улыбается.

– Не волнуйся, все будет окей.

– А почему твоя домработница такая странная? Молчит, смотрит как-то...

– Мария глухонемая. У нее сын умер от какой-то редкой неизлечимой болезни. Десять лет к кровати был прикован. Это не могло не отразиться на ее психике. Я никогда не видел, чтобы она улыбалась. Зато работает хорошо.

По спине опять маленькой ящерицей пробегает тревога. Я стряхиваю ее и концентрирую внимание на разминании хлебного мякиша. Хлеб в Италии не чета своему французскому собрату, исключительно белый, мучнистый, в большинстве своем несвежий. Помнится, во время коротких малобюджетных каникул в Неаполе я попросила у официанта в одной траттории принести мне черного хлеба вместо бледнолицего ломтя. Тот понатливно кивнул, удалился, забрав корзинку, и спустя минут пять вернул ее на место, наполненную поджаренными до черноты гренками. Во так-то. С тех пор я не выпендриваюсь и стараюсь в Риме вести себя так же как римляне, они едят пшеничную выпечку, значит, и мне негоже нос воротить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.